

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА
В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XIX — НАЧАЛА XX в.

История Великого Новгорода занимала значительное место в русской историографии XIX—начала XX в. Объем статьи не позволяет дать даже общий обзор всей литературы, выпшедшей в указанный период и специально посвященной новгородской тематике или затрагивающей ее, поэтому здесь ставится лишь одна задача — дать представление о том, как трактовалась история Великого Новгорода в трудах наиболее значительных представителей русской историографии XIX—начала XX в.

Общественный строй Великого Новгорода, особенности его географического положения, отличные от других русских княжеств отношения с Ордой, активное участие в защите Русских земель от угрозы с Запада, многолетнее соперничество с Москвой стали предметом исследования и объектом оживленной полемики в исторических трудах XIX—начала XX в.

На наш взгляд, можно наметить три периода в освещении истории Великого Новгорода в русской историографии XIX—начала XX в.

Первый период падает на первую половину XIX в., т. е. с начала века до начала 1860-х гг., точнее — до выхода в свет первых работ Н. И. Костомарова; второй период — 1860-е гг. — конец XIX в.; третий период — конец XIX — начало XX в.

В первый период историков занимала прежде всего политическая история Великого Новгорода, которая в значительной мере в зависимости от общественно-политических взглядов того или иного исследователя толковалась весьма различно. Больше всего споров шло вокруг внутреннего устройства Новгорода, взаимоотношений князя и веча. Дискуссии по вопросу об отношениях между Новгородом и Москвой обычно были обусловлены симпатией к вечевому строю и антипатией к единодержавию, или наоборот.

Выступая против современного ему самодержавного строя, А. Н. Радищев усматривал в вечевых новгородских порядках проблески республиканских идей и утверждал, что в Новгороде существовало «народное правление», а «народ в собрании своем на вече был истинный государь».¹ А. П. Куницын полагал, что наряду с боярскими думами новгородское вече было примером того, что помыслы о «свободных попятях» никогда не были чужды народу России.²

¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., М.—Л., 1938, т. 1, с. 262.

² Куницын А. Рассмотрение речи президента Академии наук. — Сын отечества, 1818, ч. 46, с. 52.

Своеобразное отражение спор о достоинствах и недостатках вечевого строя в Новгороде нашел в «Исторических разговорах о древностях Великого Новгорода» митрополита Евгения (Е. А. Болховитинова).³ Болховитинов, страстный собиратель старины, по существу выступил в роли историка, впервые подготовившего книгу об истории Великого Новгорода, которая содержала много фактических сведений. Его «Исторические разговоры» были написаны в форме беседы нескольких лиц, излагавших иногда и различные точки зрения. Так, «второй» из собеседников говорил, что «еще со времени прав и вольностей, данных новгородцам от Ярослава I, своеволие и внутренние несогласия начали уже расслаблять союз новгородский, а со времени вступления ими в Ганзейский союз, многократные мятежи и бунты, зародившиеся от самой вечи новгородской, предзнаменовали уже падение государства сего». Однако «первый» из собеседников на это возражал: «Нет, мятежи в цветущие времена Новгородской Республики бывали чаще всего за сохранение вольных прав и большею частью искореняли только злоупотребления правящих властей или хищность богачей, но не ослабляли общей народной силы».⁴ Таким образом, еще в начале XIX в. наметились противоположные тенденции в оценке особенностей общественного строя Великого Новгорода.

Н. М. Карамзин, называвший историю Новгорода «особенной», писал, что она «умолкла» с уничтожением Иваном III новгородской вольности.⁵ «Новгородцы, имея правление народное, общий дух торговли и связь с образованными немцами, — писал он, — без сомнения отличались благородными качествами от других россиян, униженных тиранством моголов».⁶ Тем не менее «утлая вольность новгородская» была сокрушена. Это случилось, замечал Карамзин, несмотря на отмеченные им достоинства новгородцев. Он оправдывал действия Ивана III, хотя «сердцу человеческому свойственно доброжелательствовать Республикам, основанным на коренных правах вольности, ему любезной».⁷ О неизбежности гибели республики, даже цветущей, но окруженной монархиями, писал еще Болховитинов. Он полагал, что Новгород еще долго держался.⁸ Эта мысль получила дальнейшее обоснование у Карамзина: «История должна прославить в сем случае ум Иоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россию твердым соединением частей в целое, чтобы она достигла независимости и величия, то есть, чтобы не погибла от ударов нового Батая или Витовта: тогда не уцелел бы и Новгород».⁹

³ [Болховитинов Е. А.]. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808.

⁴ Там же, с. 66.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. VI. СПб., 1830, с. 160.

⁶ Там же, с. 159.

⁷ Там же, с. 159, 160.

⁸ [Болховитинов Е. А.]. Исторические разговоры..., с. 66.

⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. VI, с. 159.

В трактовке Карамзина мысль о целесообразности присоединения Новгорода к Москве приобрела большую обоснованность. При этом тезис о противоборстве вечевое и самодержавного начала казался бы отступал на второй план. Но на деле он по-прежнему оставался предметом споров, а именно на нем заостряли свое внимание оппоненты Карамзина.

Взгляды Карамзина стали предметом развернутой критики со стороны будущих декабристов. Вслед за Радищевым многие из них видели в вечевом строе Новгорода зародыш республиканизма. Усматривая в новгородских порядках олицетворение древней вольности, они оставляли без внимания их теневые стороны, обусловленные боярским правлением. Для В. К. Кюхельбекера Новгород — город «торговый, демократический, богатый, любимый». Воспоминания о «независимости и народном правлении Новгорода» Кюхельбекер считал «достоянием всей Руси».¹⁰ В том же духе высказывались о Новгороде Н. А. Бестужев и А. А. Бестужев, М. А. Фонвизин, М. А. Дмитриев-Мамонов, А. Е. Розен, Н. И. Тургенев, М. С. Лукин.¹¹ По мнению С. С. Волка, «несмотря на очевидную идеализацию древнего Новгорода, декабристы оценивали его политическое устройство в целом более правильно, чем Карамзин».¹²

Продолжателем декабристской традиции выступил А. И. Герцен. Он писал: «Свободный от монгольского ига, великий и могучий Новгород, привыкший считать себя суверенным, богатый благодаря оживленной торговле, которую вел с ганзейскими городами, метрополия, имевшая широкую разветвленную сеть владений по всей России, — Новгород всегда ставил права общины выше прав князя». Новгород, как олицетворение общинно-вечевых порядков, Герцен противопоставлял Москве, как оплоту самодержавия, и сетовал по поводу победы Москвы над Новгородом, полагая, что «московский абсолютизм не был единственным средством спасения для России... Россия могла быть спасена путем развития общинных учреждений или установлением самодержавной власти одного лица. События сложились в пользу самодержавия. Россия была спасена: она стала сильной, великой, но какою ценою?.. Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни».¹³

Иначе смотрел на присоединение Новгорода к Москве В. Г. Белинский, считавший его оправданным: «Бессилие разединенной Руси дало Новгороду укрепиться, а соединение Руси в одну державу без борьбы и особенных усилий ниспровергло его. И если бы Москва допустила существование Новгорода, он пал бы сам собою и стал бы легкой добычей Польши или

Швеции». «Что не развивается, то не живет, то умирает: таков мировой закон всех гражданских обществ». Во внутреннем устройстве Новгорода Белинский не усматривал республиканских порядков. Он полагал, что, «сделавшись купеческим городом, Новгород отнюдь не сделался муниципальным городом, и новгородцы, сделавшись купцами, отнюдь не сделались гражданами торговой республики: у них не было цехов, не было определенного разделения классов, которые составляют основание торговых государств».¹⁴

Споры вокруг роли Великого Новгорода в русской истории способствовали вниманию к нему со стороны историков.

Большое место история Новгорода заняла в трудах историков либерального направления, в том числе в сочинениях историков, связанных с так называемой «государственной школой» в русской историографии — С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина. Обратившись к истории Великого Новгорода, Соловьев развил ряд положений, выдвинутых в свое время современником Карамзина Иоганном Филиппом Густавом Эверсом. В своей книге о древнем русском праве Эверс коснулся взаимоотношений новгородцев с князьями. Описав новгородское восстание 1015—1016 гг. и его последствия, упомянув, что, согласно новгородскому летописцу, Ярослав «даде им правду, и устав списав глаголав тако по сей грамоте ходите», Эверс заключил: «Так возникла древняя законодательная грамота Руссов, данная непосредственно Новгороду и вскоре получившая силу Закона в России, не имевшей еще другого письменного законодательства».¹⁵ В соглашении, заключенном новгородцами с Ярославом, Эверс видел и документ, утвердивший «гражданскую свободу Новгорода», и первый на Руси законодательный памятник.¹⁶

Идеи Эверса, как известно, оказали большое влияние на молодого С. М. Соловьева. «Не помню, когда именно попало мне в руки Эверсово „Древнейшее право Руссов“, эта книга составляет эпоху в моей умственной жизни, — писал Соловьев, — ибо у Карамзина я набирал только факты, Карамзин только ударял на мои чувства. Эверс ударил на мысль; он заставил меня думать над русской историей».¹⁷ К сказанному можно добавить, что Эверс заставил Соловьева не только думать над русской историей. Развив мысль Эверса о взаимоотношениях между Великим Новгородом и великими князьями, Соловьев написал целое исследование, первую свою монографию, представленную им затем в качестве магистерской диссертации.¹⁸ Поскольку о работах Соловьева, связанных с историей Новгорода, в настоящем сборнике

¹⁰ Цит. по: Декабристы-литераторы. — Литер. наследство, М., 1954, т. 59, с. 374—375.

¹¹ Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958, с. 321.

¹² Волк С. С. На путях исторического познания. — В кн.: Декабристы и русская культура. Л., 1976, с. 58—104.

¹³ Герцен А. И. Собр. соч., М., 1958, т. VII, с. 160—161.

¹⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., М., 1954, т. V, с. 405—406.

¹⁵ Эверс И.-Ф.-Г. Древнейшее русское право в историческом его развитии. СПб., 1835, с. 299.

¹⁶ Там же, с. 296.

¹⁷ Соловьев С. М. Записки... [Пг., 1915], с. 60.

¹⁸ Соловьев С. М. Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1845.

публикуется статья, считаем необходимым здесь сделать лишь несколько общих замечаний. Соловьев уделил большое внимание политической истории Новгорода. Его рассуждения об особенностях общественного строя Новгорода вошли составной и очень важной частью в общие теоретические построения историка. В историографических работах обычно главное внимание обращается на общую концепцию исторического развития России, выдвинутую Соловьевым, а о его монографии, посвященной Новгороду, говорится в той мере, в какой она свидетельствует о ее формировании. Если же взглянуть на нее с точки зрения разработки истории Новгорода в русской историографии, то ее можно назвать первым обстоятельным исследованием политической истории Новгорода с древнейших времен до середины XV в.

Фактический материал первой монографии Соловьева использовался впоследствии и другими историками. Прибег к ней и близкий к Соловьеву К. Д. Кавелин. Вслед за Соловьевым Кавелин полагал, что существовавшее в Новгороде народовластие, развившееся из первоначального родового быта, имело место и в других древнейших русских городах. Тем самым он следовал за теорией Соловьева, согласно которой утверждение единодержавных начал и княжеской власти связано было с возникновением «пригородов», новых городов, где, в отличие от старых городов с их народовластием, князья пользовались неограниченной властью. Развивая мысль о том, что существовавшие в Новгороде порядки были характерны для всей Древней Руси, Кавелин в статье «Юридический быт древней России» не соглашался с историками, считавшими, что Новгород являл собою «странное исключение из жизни древней России». Он считал подобный взгляд «историческим предрассудком». По убеждению Кавелина, во внутреннем устройстве Новгорода «нет ни одной нерусской, неславянской черты». По его мнению, «Новгород — община в древнерусском смысле слова, какими были более или менее все другие общины». Новгород представлялся Кавелину «образцом первоначального русско-славянского общинного быта». Разделение власти между князем и вечем, расхождение в интересах между князем и общиной, отсутствие четкой регламентации обязанностей князя Кавелин считал свидетельством того, что в Новгороде не было «ясного сознания о государственном быте».¹⁹ Новгородскую общину он представлял себе разделенной на различные слои: «Как и во всякой древней русской общине, в Новгороде были бояре и смерды, старшие и младшие. Но какова была аристократия, мы не знаем; знаем только, что в последнее время она играла важную роль». Кавелин не только подобно Соловьеву считал Новгород носителем начал, существовавших в Древней Руси. Он полагал, что Новгород в свое время уже шел по тому пути, по которому впоследствии Петр I повел Россию. По его мнению, «в лице Новгорода пресекался неразвившийся, особенный способ или вид существова-

¹⁹ Кавелин К. Д. Собр. соч., СПб., 1897, т. 1, стб. 33—34.

ния Древней Руси, неизвестный прочим ее частям».²⁰ Последнее высказывание находилось в известном противоречии с приведенными рассуждениями Кавелина о том, что Новгород выражал общие черты древнерусского устройства. В конечном же счете Кавелин признавал обреченность Новгорода, хотя и говорил, что его развитие «было насильственно прервано».²¹ Окончательный вывод все же был тот, что «своим долгим существованием Новгород вполне исчерпал, вполне развил весь исключительный национальный, общинный быт древней Руси», который к тому же мало заключал в себе «зачатков гражданственности, твердого, прочного, государственного устройства».²²

В первой половине XIX в. явно преобладал интерес к политической истории Новгорода. Но это не означало, что совершенно без внимания оставались другие стороны его жизни. Из переписки Ю. Ф. Самарина с М. П. Погодиным известно, что первый собирався написать историю Новгорода, сопоставив его с ганзейскими городами.²³ Появлялись отдельные работы о связи Новгорода с Ганзой, о торговле, которую вели новгородцы.

Сдвиг в изучении истории Новгорода произошел в начале 1860-х гг. Важное место среди русских исторических трудов о Великом Новгороде заняли работы Н. И. Костомарова. Этот историк уделил в них большое внимание истории Новгорода потому, что, обращаясь к ней, он обосновывал выдвинутый им тезис, что целый период в русской истории определялся борьбой между «Русью единодержавной» и «Русью удельно-вечевой», между государством и народностью, между централизацией и федерацией, между самодержавием и вечевым строем. Согласно костомаровской концепции, вечевые отношения, господствовавшие в Киевской Руси, постепенно были сведены на нет единодержавным началом, оплотом которого стала северо-восточная Русь. Удельно-вечевые порядки дольше всего сохранялись в юго-западных русских землях и в Новгороде. Именно с этой точки зрения оценивал Костомаров соперничество между Москвой и Новгородом в XIV—XVI вв. в лекции «О значении Великого Новгорода в русской истории». В этой лекции, прочитанной в Новгороде в 1861 г. и тогда же опубликованной, Костомаров рассматривал Новгород как «последнее прибежище федеративных начал, изгнанных из других земель», а его антиподом — Москву, задумавшую эти начала и на новгородской земле.²⁴

Как общая схема Костомарова, так и его трактовка взаимоотношений Москвы и Новгорода несли на себе отпечаток известной оппозиционности по отношению к самодержавному строю

²⁰ Там же, стб. 36.

²¹ Там же, стб. 35.

²² Там же, стб. 36.

²³ См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1885, кн. VIII, с. 31.

²⁴ Костомаров Н. И. О значении Великого Новгорода в русской истории. — Собр. соч., СПб., 1903, кн. I, т. 1, с. 209.

России. Вместе с тем эта оппозиционность была весьма ограниченной. Выступая с осуждением Ивана IV и его предшественников, повинных в гибели новгородских вольностей, Костомаров вместе с тем проповедал мысль о наступившем впоследствии примирении государственности с народностью, писал, что, «сознавая свою полную силу, государство само пробуждает народную жизнь».²⁵ В советской историографической литературе эти рассуждения Костомарова оцениваются как общая для всей либерально-буржуазной исторической мысли точка зрения: «Для России возможен лишь путь „реформы сверху“».²⁶ Политическая подоплека костомаровской концепции принципиально отличала ее от позиции, занятой представителями революционно-демократической мысли.

Что же касается демократической историографии, современной Костомарову, то в ней, как и в 40-е гг. XIX в. в вопросе об оценке особенностей общественного устройства Новгорода и борьбы между Новгородом и Москвой, единства не было. Одни ее представители, например Г. З. Елисеев, выступали в известной мере как сторонники герценовской концепции. Елисеев писал в своих «Исторических очерках»: «Сам собою рождается следующий вопрос: та форма быта, под которую является нам в последнее время своего исторического значения Новгород, не была ли бы также удобна для самостоятельного развития народа, так как она была выработана им самим и была сподручна ему, была в характере его, так как стремление к общинному быту мы встречаем во всей Древней Руси?»²⁷

Иначе, чем Елисеев, смотрел на древний Новгород Н. В. Шелгунов. Он считал присущие новгородцам «провинциальные — децентрализаторские — тенденции чуждыми интересам большинства русского народа».²⁸ Такие современники Костомарова, как Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, не оставили каких бы то ни было высказываний об общественном устройстве Великого Новгорода. Тем не менее несколько в иной связи, но демократическая историческая мысль оказала свое воздействие на взгляды Костомарова, в частности, на его подход к изучению новгородской истории. Оставаясь, несмотря на свою известную оппозиционность к самодержавию, в рамках либерального направления, Костомаров вместе с тем в 60-е гг. XIX в. представлял его левое крыло, а многие его работы были своеобразной реакцией на ту критику, которая раздавалась в адрес либеральных историков со стороны демократических кругов. Один из упреков, адресованных либеральной историографии со стороны критиков, представлявших демократическое направление, имел в виду невнимание к истории народа. Своего рода ответом на этот упрек был ряд работ Костомарова, к их числу наряду с книгами о Хмельницком и Ра-

зине принадлежит и монография «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки)». Эта книга Костомарова заняла особое место в исторической литературе о Великом Новгороде. Здесь Костомаров сделал попытку не только представить вечевые порядки, существовавшие в нескольких северных городах (Новгороде, Пскове и Вятке), он к тому же постарался возможно более широко показать жизнь удельно-вечевых городов, выйти за рамки одной только политической истории. Последняя не была обойдена. Она была очень обстоятельно показана в книге Костомарова. Нарисовав существовавшие в Новгороде вечевые порядки, подробно показав историю борьбы между Новгородом и Москвой, Костомаров завершил политический очерк истории Новгорода его подчинением Москве, которое называл «новгородской катастрофой».²⁹ Помимо того, в книге подробно рассмотрена сама структура политического устройства Новгорода и, что важно отметить, дан обстоятельный разбор торговой жизни Новгорода. В главе, посвященной церкви, подчеркивалось стремление новгородской церкви к самостоятельности, освещалась история ересей. Широкое освещение наряду с историей политической жизни истории новгородской торговли, ряда других тем, ускользавших от внимания его предшественников, делало Костомарова в глазах многих современных историков ученым, наконец-то обратившим пристальное внимание на историю народа. Н. Я. Аристов, сам много внимания уделивший экономической жизни Древней Руси, писал в рецензии на книгу о «Севернорусских народоправствах», что Костомаров — историк, понявший необходимость изучать всесторонне и в развитии «цельную жизнь народа». Не принимая полностью взгляды Костомарова, Аристов отдавал ему должное за то, что тот, по его мнению, «спустился в низшую, по-тогдашнему, сферу народной жизни, занялся изучением истории „низших классов“».³⁰ Подобные рассуждения были, безусловно, явным преувеличением. Костомаров, конечно же, еще не мог дать, как это казалось Аристову, «цельную жизнь народа». Но, с точки зрения разработки истории Новгорода в рамках русской либеральной историографии XIX в., Костомаров, несомненно, сделал важный шаг вперед. В его книге о северных народоправствах впервые в русской исторической литературе были собраны воедино многочисленные свидетельства о самых разнообразных сторонах жизни Великого Новгорода и его населения. Существенно и то, что, помимо политической истории, большое место в описании истории Новгорода Костомаров отвел и другим сторонам его жизни. Склонный искать новые пути в объяснении особенностей исторического развития России в целом и отдельных ее земель, Косто-

²⁵ Там же, с. 91.

²⁶ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II. М., 1960, с. 139.

²⁷ Современник, 1860, № 11, с. 66—67.

²⁸ Шелгунов Н. В. Полн. собр. соч., СПб., 1895, т. III, с. 570.

²⁹ Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (история Новгорода, Пскова и Вятки). — Собр. соч., СПб., 1904, кн. 3, с. 137.

³⁰ Библиотека для чтения, 1864, № 8, с. 28.

маров, может быть, четко и не сформулировав результаты своих изысканий в области новгородской истории, вместе с тем по существу поставил вопрос о необходимости искать важнейшие моменты в ее развитии не только в области политической истории, но и за ее пределами. Тем самым, на наш взгляд, Костомаров занял особое место в русской либеральной историографии XIX в., занимавшейся историей Новгорода. Он, во-первых, создал труд, в котором впервые были собраны материалы, посвященные самым различным сторонам новгородской истории, во-вторых, положил начало усиленному изучению истории экономической жизни Новгорода, как важной исторической проблемы.

Примерно в то же время, что и Костомаров, к истории Великого Новгорода обратился И. Д. Беляев. Среди его работ о новгородской старине наиболее значительной была «История Новгорода Великого от древнейших времен до его падения».³¹ Книга Беляева, в которой с большой тщательностью были собраны летописные и другие свидетельства, состояла из двух частей: «I. Строй Великого Новгорода» и «II. Жизнь Новгорода Великого». В первой части наряду с некоторыми другими проблемами Беляев внимательно рассматривал состав новгородского общества, входившие в него «элементы» и «классы», структуру «новгородского правительства», представленного вечем, властями выборными (посадник и др.) и приглашенными (князья). В монографии Беляева подчеркивались особенности общественного строя Новгорода до его присоединения к Москве, в частности, отмечалось, что «вече было самою верховною властью в Новгороде, выше которой уже не было, оно решало все дела и в своих руках держало судьбу Новгорода».³² При этом в изложении Беляева вечевой строй выглядел характерной чертой именно Новгорода. Это отличало взгляд Беляева от мнения Костомарова, полагавшего, что вечевой порядок, «будучи явлением общерусским, повсеместным, нигде, однако... не является нам в такой полноте, как в Новгороде».³³ Уделив главное внимание политической истории Новгорода и его общественному устройству, Беляев затронул и торговую деятельность его населения. Важно подчеркнуть, что он впервые в русской историографии коснулся участия в жизни Великого Новгорода землевладельцев, остановился на порядке землевладения в Новгородской земле. Характеризуя классы, составлявшие новгородское общество, Беляев писал, что «по новгородскому устройству, одинаковому со всей Русскою землею, поземельные владения разделялись на общественные и частные».³⁴ Исходя из того, что «приобретение земли в полную собст-

³¹ Беляев И. Д. История Новгорода Великого от древнейших времен до его падения. — В кн.: Рассказы из русской истории, кн. 2. М., 1864.

³² Там же, с. 156—157.

³³ Костомаров П. И. О значении Великого Новгорода..., с. 205.

³⁴ Беляев И. Д. История Новгорода Великого от древнейших времен до его падения, с. 51.

венность было первым признаком, отличающим частных поземельных собственников, как людей, пользующихся большими средствами перед общинниками, как людей лучших, более сильных перед своими согражданами», Беляев приходил к заключению, что «первыми, древнейшими земскими боярами в Новгороде, по всему вероятно, были богатые землевладельцы, имевшие в своей собственности большие поземельные владения».³⁵

Однако в общих рассуждениях о судьбе Великого Новгорода Беляев в большей мере останавливался на политической истории. В связи с этим в схеме Беляева торговля и другие стороны экономической жизни играли менее значительную роль, чем в построениях Костомарова. Не было у Беляева и присущей Костомарову тенденции подчеркивать симпатию к новгородским вольностям и антипатию к московскому единодержавию. Тем не менее за внешне бесстрастным повествованием в книге Беляева просвечивало сочувственное отношение к новгородцам, ставшим жертвой жестокостей, которыми сопровождалось его присоединение к Москве. Несмотря на известные различия во взглядах, Беляев наряду с Костомаровым был в 1860-е гг. историком, существенно способствовавшим более внимательному и всестороннему изучению прошлого Новгородской земли.

В 1850—1860-е гг. внимание историков было обращено к самым различным сторонам прошлого Великого Новгорода. В это время появляется ряд изданий, содержащих весьма ценные изыскания о топографии и населении Великого Новгорода. Материалы, приведенные в работах И. И. Красова,³⁶ Н. К. Миролюбова (архимандрита Макария),³⁷ В. В. Пассека³⁸ имели значение не только для этих проблем, но и для изучения истории Великого Новгорода в более широком плане.

Особое место среди историков, во второй половине XIX в. занимавшихся историей Новгорода, занял А. И. Никитский. Еще в 60-е гг. появились такие его работы, как «Очерки из жизни Великого Новгорода».³⁹ Из сочинений Никитского наиболее известна «История экономического быта Великого Новгорода». С именем Никитского связано последовавшее во второй половине XIX в. усиление внимания именно к экономической истории Новгорода. В эти годы продолжалось изучение и политической истории Новгорода. Ею занимались, в частности, историки права. Новгородский материал был широко использован, например, в книге В. И. Сергеевича «Вече и князь».⁴⁰ Политических, историко-юри-

³⁵ Там же, с. 52.

³⁶ Красов И. 1) О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851; 2) Разбор мнений о населении древнего Новгорода. — ЖМНП, 1854, № 2; 3) Прогулка по Новгороду и его окрестностям. Новгород, 1862.

³⁷ Макарий, архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 1—2. М., 1860.

³⁸ Пассек В. В. Новгород сам в себе. — ЧОИДР, 1869, кн. 4.

³⁹ Никитский А. И. Очерки из жизни Великого Новгорода. — ЖМНП, 1869, № 10.

⁴⁰ Сергеевич В. И. Вече и князь. М., 1867.

дических проблем не чуждался и Никитский. Впоследствии С. Ф. Платонов ставил в заслугу Никитскому то, что он первый исследовал такой институт, как существовавший в Новгороде «совет господ».⁴¹ Никитский собирался подготовить капитальное исследование, всесторонне освещающее историю Великого Новгорода. В предисловии к своей книге «Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде» он писал, что этот «Очерк» — «не отдельный совершенно самостоятельный труд, а только часть другого, гораздо обширнейшего труда, а именно „Истории внутренней жизни Великого Новгорода“».⁴² Смерть помешала осуществлению этого замысла: он умер в 1886 г. Сохранившаяся у его вдовы рукопись и была издана А. Харизоменовым в виде монографии «История экономического быта Великого Новгорода».⁴³ Вклад Никитского в изучение экономической истории Новгорода отмечен в советской историографической литературе. Н. Л. Рубинштейн считал, что «книга Никитского выдвигает тему экономического строя Новгорода и именно в силу этого необходимо вводит его историю в общую систему экономических отношений всей Русской земли того периода». Заслугу Никитского видел Рубинштейн и в том, что тот доказал условность представлений о Новгороде как чисто купеческой организации и показал, что Новгород не живет какой-то своей обособленной жизнью, а связан с окружающими землями и их населением, занимающимся промыслами и сельским хозяйством. Ценными считал Рубинштейн и указание Никитского на зависимость купеческого новгородского торгового дела от боярского землевладения, и обоснование тезиса об экономических и политических связях Новгорода с Северо-Восточной Русью.⁴⁴ Отдельные стороны труда Никитского по-разному оцениваются советскими историками.⁴⁵ Бесспорно, что этот исследователь новгородской истории заслуживает того, чтобы его научное наследие стало предметом специального исследования. Не пытаясь даже в малой степени братья за решение этой задачи, коснемся в данном случае лишь вопроса, затронутого Н. Л. Рубинштейном. По его мнению, как мы уже указывали, именно Никитский выдвинул тему экономического строя. При этом Рубинштейн определенно говорит о том, что, хотя Ко-

⁴¹ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. 10-е изд. Пгр., 1917, с. 122—123.

⁴² Никитский А. И. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879, с. I—II.

⁴³ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.

⁴⁴ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 444.

⁴⁵ Бернадский В. Н. Общественное распределение труда и феодальная рента в Новгородской земле XV в. — Уч. зап. ЛГПИ, 1955, т. 102, с. 133—134; Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII—начала XVI в. Л., 1965, с. 124—127; Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV—XVII вв. Л., 1980, с. 11—13; Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 583—584.

стомаров «поднимает вопросы экономики и быта» в истории Великого Новгорода, он все-таки считает его представителем того этапа историографии, на котором рассматривалась политическая история.⁴⁶ Ранее уже говорилось, что, на наш взгляд, второй период, или этап, в изучении истории Великого Новгорода следует начинать все-таки с Костомарова. Ведь Никитский шел вслед за Костомаровым, задуманный, но неосуществленный его труд в полном виде мыслился как углубленное продолжение того, что начал Костомаров в «Севернорусских народоправствах». Что же касается Никитского, то он своей научной деятельностью связывает два этапа: продолжает то, что впервые попытался сделать Костомаров — всесторонне изучает историю Новгорода, и одновременно оказывается у истоков нового, третьего этапа в историографии Великого Новгорода. Этот третий этап хронологически охватывает конец XIX—начало XX в.

Третий этап берет начало с 90-х гг. XIX в. и совпадает с тем периодом, который обычно рассматривается как русская историография периода империализма. Сам Никитский не дожил до этого времени, но его труд об экономической истории Великого Новгорода, вышедший в 1893 г., стал историографическим событием уже этого периода. Отличительной чертой последнего этапа в изучении истории Новгорода в дореволюционной историографии было то, что в значительном числе работ по истории Новгорода (в это время продолжалось изучение новгородской старины⁴⁷) усилилось внимание к экономической истории, следствием чего был выход в свет ряда серьезных, в том числе и монографических, трудов по этой проблеме. Изучение новых аспектов новгородской истории сказалось и на трактовке истории Великого Новгорода в общих курсах русской истории. Большее значение стало придаваться в них экономическому и географическому факторам.

Влияние географической среды, роль торговли в истории Новгорода были отмечены В. О. Ключевским. У него не было специальных исследований по истории Великого Новгорода, но судьбе Новгорода и Новгородской земли, особенностям его политической и экономической жизни были посвящены вошедшие во II том «Курса русской истории» XXIII и XXIV лекции.⁴⁸ Ключевский придавал важное значение географическому положению Новгорода: «Политический строй Новгорода Великого, т. е. старшего города в своей земле, был тесно связан с местоположением города».⁴⁹ Ключевский подчеркивал и роль торговли, полагая, что «торговля внутренняя и внешняя была жизненным первым Новгородом».⁵⁰ Он считал, что «ни в одном другом краю

⁴⁶ Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 444.

⁴⁷ См.: Передольский В. С. Новгородские древности. Новгород, 1898.

⁴⁸ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957, т. 2, с. 54—104.

⁴⁹ Там же, с. 55.

⁵⁰ Там же, с. 64.

древней Руси не встретим такого счастливого подбора условий, благоприятных для широкого развития политической жизни». ⁵¹ К этим «благоприятным условиям», которые он называл также «дарами исторической судьбы», Ключевский относил раннее освобождение Новгорода «от давления княжеской власти», возможность стать «в стороне от княжеских усобиц и половецких разбоев» и избежать «непосредственного гнета и страха татарского», рано вступить «в деятельные торговые сношения» и «культурные связи» с европейским Западом, быть «несколько веков торговым посредником между этим Западом и азиатским Востоком», являться «экономическим и политическим центром громадной промышленной области». «Дух свободы и предприимчивости, политическое сознание „мужей вольных“, поднимаемое идеей могущественной общины „господина Великого Новгорода“, — нигде более в древней Руси не соединялось столько материальных и духовных средств, чтобы воспитать в обществе эти качества, необходимые для устройства крепкого и справедливого общественного порядка», ⁵² — писал Ключевский. В оценке начал, на которых основывались общественные отношения в Новгороде, в подходе к ним в их идеальном виде Ключевский был близок к Костомарову. Говоря о причинах, приведших к крушению политической вольности, Ключевский наряду с социальной и земской рознью, со слабостью военных сил важное место отводит и его зависимости от Низа. Он подчеркивает, что, несмотря на политическое обособление Новгорода, «оставалась экономическая зависимость от Низа, от центральной княжеской Великороссии», связанная с тем, что «Новгород всегда нуждался в привозном хлебе с Низа». ⁵³ В построениях Ключевского географический и экономический факторы занимали значительное место. В этом смысле Ключевский, ученик С. М. Соловьева, шел вслед за Костомаровым. В трактовке истории Новгорода у Ключевского были общие черты с теми историками, которые специально занимались экономической историей Новгорода. При этом, уделяя первостепенное внимание торговой деятельности новгородцев, Ключевский был менее чуток к усилившейся в это время разработке истории земледелия и крестьянства в Новгородской области. Усиленное внимание к подобному рода проблемам было отличительной чертой многих исторических трудов, посвященных Новгороду, появившихся в конце XIX—начале XX в. Именно в этот период предметом внимательного исследования становятся многие источники, опубликованные еще в первой половине XIX в. Появляются новые публикации документов, особенно связанные с социально-экономическими проблемами истории Новгорода.

Некоторые источники в этот период изучались особенно интенсивно. К ним, в частности, относились новгородские писцовые

⁵¹ Там же, с. 97—98.

⁵² Там же, с. 98.

⁵³ Там же, с. 99.

книги. Ими пользовался Никитский. К ним же обратился и Н. А. Рожков, в монографии которого «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке» ⁵⁴ значительное внимание было уделено и землевладению в Новгородской земле. В 1915 г. вышли в свет «Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве», ⁵⁵ написанные А. М. Гневушевым, большим знатоком источников, в частности новгородских писцовых книг. В книге Гневушева содержались не только источниковедческий анализ писцовых книг, но и основанные на их изучении выводы о формах поселений, количестве и категориях сельского населения, о состоянии крестьянского хозяйства и промыслов, о государственном, церковном и частном землевладении. Подвергнув писцовые книги статистической обработке, Гневушев снабдил свою работу большим числом статистических таблиц. На основе писцовых книг была написана и книга Н. Ф. Яницкого «Экономический кризис в Новгородской области в XVI в.». ⁵⁶ Предметом внимания историков стало землевладение в Новгородских землях, в связи с чем появились работы, посвященные истории землевладения в отдельных новгородских пятinah. ⁵⁷ На основе богатого архива одной из крупнейших новгородских вотчин Б. Д. Греков написал монографию «Новгородский дом святой Софии». ⁵⁸ Здесь исследовались важнейшие проблемы истории землевладения и истории крестьянства, значение которых выходило за рамки чисто новгородской истории и имело общероссийский характер.

Значительное внимание, уделенное русскими историками конца XIX—начала XX в. экономической стороне прошлого Новгородской земли, создавало серьезную основу для пересмотра общей трактовки особенностей исторического развития Великого Новгорода. Предпринимались попытки взглянуть по-новому и на такую проблему, как колонизация Севера. А. С. Лаппо-Данилевский выдвинул свою трактовку новгородской колонизации, согласно которой ее первый этап (IX—XII вв.) носил народный характер, в XIII в. в освоении Севера первенствовали монастыри, а в XIV—XV вв. на Север устремились бояре. ⁵⁹ Такая трактовка отличалась от взглядов и тех историков, которые инициативу освоения Севера приписывали боярству (В. О. Ключев-

⁵⁴ Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899.

⁵⁵ Гневушев А. М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, т. I, ч. 1. Киев, 1915.

⁵⁶ Яницкий Н. Ф. Экономический кризис в Новгородской области в XVI в. Киев, 1915.

⁵⁷ Загорский В. Ф. История землевладения Шелонской пятины в конце XV и в начале XVI в. — ЖМЮ, 1909, № 8.

⁵⁸ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии, ч. I. СПб., 1914.

⁵⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его областях. СПб., 1895, с. 15—20.

ский,⁶⁰ М. М. Богословский⁶¹), и тех, которые ведущей силой в колонизации Севера считали монастыри (А. И. Никитский,⁶² А. М. Гневушев⁶³).

Однако успехи, достигнутые дореволюционными историками в изучении отдельных конкретных вопросов социально-экономической истории Новгорода, не получили обобщения в концепционных построениях представителей либеральной и официальной историографии начала XX в. К тому же при освещении экономической истории Новгорода подчеркивалось в общих трудах значение торговли, а проблемы, связанные с историей землевладения и историей крестьянства, оказывались на втором плане. Так было с упоминавшимися выше и имевшими широкую популярность лекциями В. О. Ключевского, вошедшими в подготовленный им «Курсе русской истории». Общие черты в освещении истории Великого Новгорода с ее трактовкой в «Курсе» Ключевского имели соответствующие главы в «Лекциях по русской истории» С. Ф. Платонова⁶⁴ и «Лекциях по древней русской истории до конца XVI века» М. К. Любавского.⁶⁵ В лекциях Платонова и Любавского отсутствовали содержащиеся в «Курсе» Ключевского рассуждения о том, что в своем идеальном виде свойственные Новгороду на раннем этапе его истории особенности общественного устройства являли собою «счастливый подбор условий, благоприятных для широкого развития политической жизни».⁶⁶ В этом, пожалуй, следует видеть большую близость Платонова и Любавского к традиционному для официальной историографии отрицательному отношению к новгородским вольностям.

Особое место в дореволюционной историографии, посвященной Великому Новгороду, заняла «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского. В I томе этого труда в нескольких главах, прежде всего в IV главе «Новгород», рассматривались важнейшие проблемы новгородской истории. По замыслу самого Покровского, «Русская история...» должна была с марксистских позиций пересмотреть историю России. Направленная своим острием против концепций официальных и либеральных историков, она вместе с тем во многом использовала их труды, особенно труды В. О. Ключевского.

В концепции Покровского, на особенностях которой в рамках

⁶⁰ Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. — В кн.: Опыты и исследования. Пгр., 1919, т. I, с. 1—5.

⁶¹ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере, т. I. М., 1919, с. 1—3.

⁶² Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода, с. 37.

⁶³ Гневушев А. М. Господин Великий Новгород. — В кн.: Русская история в очерках и статьях, т. I. М., 1912, с. 378.

⁶⁴ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории, с. 119—126.

⁶⁵ Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 3-е изд. М., 1918, с. 181—197.

⁶⁶ Ключевский В. О. Сочинения, т. 2, с. 97—98.

данной статьи можно остановиться лишь предельно кратко в связи с освещением истории Новгорода, отчетливо прослеживались тенденция к пересмотру взглядов других историков, представлявших буржуазную науку, и вместе с тем преувеличение роли «торгового капитала». Обратясь к «оставленной в тени летописцем» «внутренней новгородской жизни», Покровский настойчиво выдвигал на первый план все, что могло свидетельствовать о борьбе народных масс. Он полагал, в частности, что можно с большой вероятностью догадываться, что восстание против Дмитра Мирошконича было делом не высших правящих кругов, а низших, управляемых, делом не «вячших», а «меньших». Допускал он, впрочем, «с несколько меньшей вероятностью», что в движении участвовали низы не только городского, но и сельского населения.⁶⁷

Выступая против мнения о якобы исключительно аристократическом строе вечевых общин Пскова и Новгорода,⁶⁸ Покровский полагал, что в XIII—XV вв. в качестве «переходной ступени» в Новгороде существовала «демократия мелких торговцев и мелких самостоятельных производителей при грандиозном для своего времени развитии торгового капитализма». Носители же этой демократии оказались в XV в. оттесненными «на последнее место в ряду составных частей самодержавного веча» (черные люди), в то время как в XIII в. они стояли «во главе города».⁶⁹ Борьба внутри новгородского общества находила отражение и во взаимоотношениях между Новгородом и Москвой. В соперничестве между Москвой и Новгородом Покровский видел прежде всего «борьбу за рынки».⁷⁰ При этом к Москве стали обращаться взоры черных людей, страдавших от притеснений бояр и буржуазии. Однако, замечал Покровский, «если низшие классы новгородского общества и склонны были с надеждой оглядываться на Москву, то феодальная Москва отнюдь не склонна была потворствовать низшим классам, старалась ассимилировать с собою те элементы новгородского общества, которые носили наиболее ярко выраженный феодальный характер».⁷¹ Вслед за Ключевским Покровский подчеркивал экономическую зависимость Новгорода от Низа. В Москве это понимали и «наступали на вечевые вольности все ближе и ближе не потому, чтобы сознавали теоретическую несовместимость веча с московскими порядками или хотя бы интересовались этой стороной дела, а потому, что вечевые порядки стесняли финансовую эксплуатацию страны». По мнению Покровского, «уже Василию Темному удалось фактически упразднить суверенитет Новгорода».⁷² В московском завоевании Новгорода

⁶⁷ Покровский М. Н. Избранные произведения, кн. I. М., 1966, с. 188.

⁶⁸ Там же, с. 190.

⁶⁹ Там же, с. 197.

⁷⁰ Там же, с. 227.

⁷¹ Там же, с. 227—228.

⁷² Там же, с. 230.

Покровский усматривал «консервативный характер», который, по его мнению, нашел еще более яркое выражение при присоединении Пскова.⁷³

Применительно к истории Великого Новгорода, как и применительно к ряду других проблем, Покровский еще не смог дать во всей полноте марксистское решение вопроса. Однако он с еще большей очевидностью подчеркнул необходимость подхода к истории России вообще и к истории Новгорода в частности именно с позиций марксизма. При всех слабых сторонах его концепцию, как и взгляды представителей революционно-демократического направления более раннего времени, отличала острая критика взглядов буржуазных ученых.

В русской историографии XIX—начала XX в. значительное место было отведено Великому Новгороду. В первой половине XIX в. главное внимание историки обращали на его политическую историю. Сопоставление новгородских вольностей с московским единодержавием, соперничество между Москвой и Новгородом рассматривались при этом в исторических трудах в тесной связи с той полемикой, которая велась вокруг актуальных проблем общественно-политической жизни. Эти споры, в ходе которых представители демократической историографии с особой настойчивостью призывали изучать историю и быт народа, способствовали тому, что историки все более стали углубляться в изучение экономической истории Новгорода. Во второй половине XIX—начале XX в. дискуссии вокруг особенностей политического развития Великого Новгорода отошли на второй план. Вместе с тем продолжалось весьма интенсивное изучение различных сторон истории Новгорода и Новгородской земли, в частности экономической истории. При этом на смену резкому противопоставлению Новгорода другим русским княжествам пришло стремление выяснить существовавшие между ними общие черты и взаимные связи. Главным достижением дореволюционной историографии было выявление и изучение широкого круга источников, накопление фактического материала.

Принципиально новым этапом в изучении истории Великого Новгорода стали труды, созданные советскими историками на основе марксистско-ленинской методологии. Их авторы, критически используя достижения дореволюционной историографии и опираясь на новые открытия, подходили к изучению древнего периода истории СССР, в том числе и истории Великого Новгорода, основываясь на ленинском учении о русском феодализме как социально-экономической формации и определенной ступени в развитии общественного производства.

⁷³ Там же, с. 232.